Сулимов Станислав Игоревич, Черниговских Игорь Васильевич

ЛЮЦИФЕРИАНСТВО И УТОПИЗМ

Данная работа посвящена сравнительному анализу утопического мировоззрения в его различных формах и типах с люциферианством как разновидностью антисистемных доктрин. Авторы обращаются к трудам как отечественных, так и зарубежных исследователей. Опираясь на изыскания польского философа Е. Шацкого, они приводят классификацию утопий, из которой становится ясно, что далеко не все утопии сопряжены с каким-либо действием. В то же время один из видов утопии полностью совпадает с такой мировоззренческой системой, как люциферианство, рассмотренной французскими и американскими авторами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 190-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.37
Философские науки

Данная работа посвящена сравнительному анализу утопического мировоззрения в его различных формах и типах с люциферианством как разновидностью антисистемных доктрин. Авторы обращаются к трудам как отечественных, так и зарубежных исследователей. Опираясь на изыскания польского философа Е. Шацкого, они приводят классификацию утопий, из которой становится ясно, что далеко не все утопии сопряжены с каким-либо действием. В то же время один из видов утопии полностью совпадает с такой мировоззренческой системой, как люциферианство, рассмотренной французскими и американскими авторами.

Ключевые слова и фразы: утопизм; люциферианство; антисистема; «утопия ордена»; «утопия политики».

Сулимов Станислав Игоревич, к. филос. н.
Черниговских Игорь Васильевич, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный университет инженерных технологий
sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskix@rambler.ru

ЛЮЦИФЕРИАНСТВО И УТОПИЗМ©

Во второй половине XX в. почти всякое новаторское или радикальное политическое и социально-философское учение стало получать ярлык «утопического» почти что лишь из-за самого факта новаторства. Если советские авторы хотя бы отделяли от утопизма марксизм и социал-демократию, то в наши дни объявлен утопистом даже К. Маркс. Параллельно с превращением утопизма в некий жупел такие западные христианские философы, как Ж.-К. Фрер и Дж. Б. Рассел вводят в оборот понятие «люциферианство», которое другие авторы начинают без разбора примерять к любому радикальному политическому течению. Получается терминологическая путаница: почти любой радикал рискует прослыть утопистом и даже люциферианцем. В данной работе, опираясь на отечественный и зарубежный социально-философский дискурс, мы разграничим понятия «утопизм» и «люциферианство».

Хотя о люциферианстве пишут ещѐ «отцы Церкви» эпохи патристики, и затем этот термин часто используется в богословской литературе, из философов первым его применил современный французский автор Ж.-К. Фрер. Вот что он конкретно понимает под люциферианством: «Под латинским именем Люцифера (lux – ~~е~~вет” и ferre – ~~н~~сти”) скрывается распространѐнное в иудео-христианской традиции представление о всеобщем восстании против закона вечного единения мира и Божества, и поэтому, если человек решается восстать против Бога, мечтает стать ему равным или даже самому стать Богом, он может опереться в этом лишь на одного союзника, имя которому – Люцифер» [3, с. 6]. Иными словами, это – бунт против наличного порядка вещей, который превращается в фанатичное желание изменить, переустроить основополагающие принципы бытия. Но люциферианец не только собирается заменить один порядок другим, но делает акцент в первую очередь именно на разрушении наличности. «То, что есть», по его мнению, необходимо разрушить в пользу «того, чего ещѐ нет». Поэтому во всех культурах и при любых политических режимах люциферианцы сталкиваются с упорным сопротивлением большей части общества. Их обоснованно считают перманентными разрушителями, ведь люциферианский идеал обычно ещѐ не внедрялся в практическую жизнь и, вполне возможно, даже неосуществим. Люциферианцев справедливо обвиняют в разрушении ради разрушения, которое камуфлируется утопической риторикой. Американский теолог и философ Дж. Б. Рассел даже считает, что не существует более злого человека, чем люциферианец: «Какова она, подлинно злая личность? Существует, во-первых, различие между каким-то отдельным, конкретным движением воли и общим, генеральным направлением еѐ движения. Каждый из нас в своей жизни совершал злодеяния, однако нельзя назвать злым человека, чья воля в своѐм общем движении стремится в свету. С другой стороны, существуют люди, весь характер которых полностью погружѐн о мрак; которые посвятили злу всю свою волю и жизнь. Часто такие люди бывают внешне очаровательны, даже харизматичны. Иногда даже кажется, что они творят только добро. Однако их характер действует на окружающих исключительно разрушающе…» [2, с. 440]. Зарубежный автор имеет в виду, что, несмотря на благие замыслы, в реальности люциферианец лишь разрушает.

Также следует отметить, что люциферианство всегда имеет антисистемное происхождение. Ни одна культура не ориентирует своих адептов на разрушение реальности во имя несуществующего или недостижимого в данный момент «светлого будущего». Такое общество было бы обществом вечного бунта и просто не смогло бы существовать на протяжении более или менее длительного времени. Поэтому люциферианская картина мира может сложиться лишь из механического смешивания фрагментов различных культур, когда отбор ведѐтся согласно личным предпочтениям того или иного человека. Именно поэтому люциферианский идеал и неосуществим: подобно любой антисистеме, он состоит из взаимоисключающих компонентов. Но какое же отношение такое мировоззрение имеет к утопизму?

К сожалению, в понимании сущности утопизма ясности нет. Даже сам термин представляет собой каламбур, как это заметил советский исследователь Э. Я. Баталов: «Как это хорошо известно, ~~у~~топия” – сочетание двух лексических компонентов греческого языка. Но каких именно? Если ~~т~~опос” (место) и ~~у~~” (нет), то ~~у~~топия” – ~~м~~есто, которого не существует”, ~~н~~есуществующая страна”, ~~Н~~игдея”. Если ~~т~~опос” и ~~е~~в” (благо), то в таком

© Сулимов С. И., Черниговских И. В., 2014

случае ~~у~~топия” – ~~б~~лагословенная земля”, ~~п~~рекрасная страна”. А поскольку книга *(“Утопия” – авт.)* была написана на латинском языке и греческие слова передавались в транскрипции, скрадывавшей различия между ~~у~~” и ~~ев~~”, истинный замысел Мора оставался скрытым. Не исключено, что это была игра слов: ~~с~~трана прекрасная, но несуществующая”» [1, с. 9-10]. Яркий пример утопии – одноименная работа Т. Мора или «Город Солнца» Т. Кампанеллы. Это – яркие, фантастические образы общества, которое было бы, по мнению их создателей, самым лучшим. Но ни Т. Мор, ни Т. Кампанелла не призывали превращать реально существовавшие, современные им государства в подобие описанных в их книгах обществ. Тем не менее, и английский, и итальянский мыслители признаны утопистами. Э. Я. Баталов полагает, что утопия – это произвольно сконструированный образ идеального социума. Для мыслителя-утописта совсем не важно, достижим ли его образец в реальности, лишь бы только создаваемая мысленная конструкция была приятна и контрастировала бы с наличным состоянием дел. Утопическими могут быть не только социально-политические проекты, но и фантастические технические новинки, вроде вечного двигателя, «ускорителя» (из новеллы Г. Уэллса) или, если искать параллели в современной художественной литературе, бластеров и универсальных колдовских заклинаний. Советский исследователь отличает утопию от мифа и религии, потому что миф адресован только к общности (в мифе нет индивида), а религия часто ориентирует своих адептов на иную реальность. Утопия же всегда говорит о земном мире и обращается именно к индивиду, даже если и оперирует социальными или техническими терминами. Все утопии Э. Я. Баталова имеют важную черту, даже если они и касаются различных аспектов человеческой жизни: «Утопист – это всегда критик, бунтарь, порою еретик, который не может, не хочет смириться – пусть только в мыслях – со своей участью, с участью окружающих его людей, участью, уготованной – как он еѐ видит – человечеству. В утописте всегда заложено мессианское начало» [Там же, с. 54]. Но советский автор сразу же оговаривается, что утопическая критика может производиться с любых позиций, в том числе и с фантастических или художественных. Консерватор, мечтающий о возвращении «старого доброго времени», – утопист в той же мере, в какой является утопистом убежденный футурист. Ведь идеал обоих мыслителей неосуществим на практике. С этой точки зрения утопистами будут и Т. Мор, и известный американский писатель Р. Говард, помещающий своих героев в доисторические времена (Хайборийскую эру), знаменитый фантаст Дж. Лукас (автор «Звѐздных войн»), и авторы, пишущие в жанре альтернативной истории (например, Г. Тертлдав и Дж. Мартин), и создатели иных миров, вроде Дж. Р. Толкиена. В их творчестве внимание акцентируется на том, чего нет или не хватает в реальном мире. Но при этом ни один из них не призывает к каким-либо изменениям наличной действительности.

Говоря об утопических движениях, в социально-политическом спектре советские авторы четко разграничивают утопизм, марксизм и «коммунизм равенства». А. Э. Штекли, исследовавший эту проблему на рубеже 1980-1990-х гг., полагал, что марксизм – это социально-философское учение, ориентирующееся на реальные закономерности истории и экономики. Возможно, К. Маркс ошибался, пророча скорое наступление коммунизма, но свои прогнозы он строил, всѐ же исходя из современного ему положения дел в наличной реальности. С высоты начала XXI в. мы можем констатировать, что марксизм – это ошибочная *теория*, но никак не фантазия. Под «коммунизмом равенства» А. Э. Штекли понимает характерные для многих революционных выступлений призывы и лозунги «всех уровнять» или «всѐ поделить». По мнению советского автора, утопизм и «коммунизм равенства» имеют различные источники и поэтому различную судьбу: «Утопизм возник благодаря глубокому пониманию действительности высокообразованными людьми, свободными от влияния интересов своего класса. Коммунизм равенства груб и наивен: его создали не социальная проницательность, не бескорыстное мышление и чувство, а настоятельные материальные потребности, борьба из-за классовых интересов» [5, с. 95]. То есть лозунг «грабь награбленное» не является утопическим, потому что за ним нет никакого образа желаемого будущего. Многочисленные крестьянские выступления Средних веков и Нового времени, подогреваемые проповедью всеобщего равенства, далеки от утопии потому, что не имеют мысленной конструкции того, что надо достичь. По той же причине не является утопическим и восстание Спартака.

Но пока получается, что сколько авторов-утопистов, столько и утопий. Для того чтобы сравнить каждую из них с люциферианством, понадобилось бы очень много времени. К счастью, в этом нет необходимости. Польский исследователь конца XX в. Е. Шацкий создал оригинальную классификацию утопий, позволяющую рассматривать цели и особенности этого мировоззрения, деля его на типы. Отличительной чертой любой утопии Е. Шацкий считает бескомпромиссность. Именно этим, по его мнению, утопист отличается от реформатора: «Утопист не обязательно знает, что надо делать. Его миссия – подвергнуть сомнению старый мир во имя образа нового мира. Реформатор принимает старый мир в качестве основы нового мира, видит в нѐм лишь другую стадию или другую форму того же самого порядка вещей. Правда, в глубине души он иногда вынашивает какую-нибудь утопию, однако не отождествляет себя с ней. Его стихия – компромисс, то есть именно то, что утопист отвергает раз и навсегда» [4, с. 37-38]. Иными словами, утопист хочет мгновенного изменения всего мира, не считаясь с реальным положением дел, но из этого вовсе не следует, что он собирается действовать в данный момент или даже вообще когда-либо. Польский исследователь выделяет два больших типа утопий, которые подразделяются на более точные направления: *эскапистские* и *героические* утопии.

Утопист эскапистского течения мечтает о лучшем мире, но точно знает, что это только мечты. К этому типу можно отнести Т. Мора и Т. Кампанеллу, которые создавали образы желаемой реальности, но при этом не призывали реализовывать их и даже не утверждали, что утопия возможна. Эскапистские утопии включают в себя три вида:

- *утопии места*, то есть идеал помещается «куда-то» (в сказочную страну, каковы Утопия Т. Мора, город Солнца Т. Кампанеллы, Средиземье Дж. Р. Толкиена и т.д.);

- *утопии времени*, в которых идеал связывается либо с безвозвратно ушедшим прошлым, либо с далѐким будущим (например, утопическая поэма В. В. Маяковского «Летающий пролетариат»);

- *утопии «вне времени»*, указывающие на идеал, который должен быть достигнут «в принципе», неважно когда и где (сюда можно отнести работы французских просветителей-утопистов Л. М. Дешана и К. А. Гельвеция).

Другой вид составлен из героических утопий, то есть учений, связанных с попыткой их реализации. Отличие от эскапизма здесь огромно: «Неэффективные средства достижения цели – это всѐ же нечто иное, чем цель без средств. Эскапистские утопии бывают интеллектуальным развлечением; героические утопии становятся вопросом жизни и смерти, даже если их непосредственные результаты не слишком впечатляют» [4, с. 54]. Их условно можно разделить на два типа: *утопии ордена* и *утопии политики*. Первый тип героических утопий связан с желанием утописта устраниться от наличной реальности, создав в миниатюре желаемый им мир. Приверженец ордена начинает реализацию своей утопии с самого себя. «Пока же заметим, что в утопии ордена всегда содержатся две возможности: это либо убежище, где можно укрыться и тем самым сохранить собственное лицо, либо ―питомник рассады", приготовляющий пришествие нового мира, в котором когда-нибудь лучшими станут все» [Там же, с. 131]. Сторонники утопии ордена иногда замыкаются в некий кружок или «тайное общество», в котором царят придуманные ими порядки, и в такой «общине» ждут наступления нового мира, где их принципы станут всеобщим законом. В принципе, к таким утопиям можно отнести даже монашество первых веков н.э. Иногда же сторонники утопии ордена занимают какую-то территорию и пытаются реализовать свой идеал на этом ограниченном пространстве. Таковы поселения Нью-Ланарк Р. Оуэна, Икария Э. Кабе и попытки Ш. Фурье найти спонсора для своего фаланстера. С известной долей допущения можно отнести к утопии ордена сатанинский эксперимент Дж. Джонса в Гайане (Джонстаун). Но даже такие действенные утопии не являются люциферианскими, потому что они никак не связаны с уничтожением наличного мира, а все их нововведения носят экспериментальный и творческий характер. Можно даже сказать, что адепт утопии ордена – наиболее честный и последовательный утопист, потому что он не только конструирует идеальный образ общественного устройства, но и апробирует его в жизненной практике, начиная с самого себя, то есть отвечая за каждое своѐ слово и не втягивая в свои эксперименты посторонних. Разумеется, так должно быть, а на практике получается по-разному (кровавые события в Джонстауне – яркий тому пример).

Более активное, смыкающееся с реальностью явление представляет собой утопия политики. Вот как характеризует еѐ Е. Шацкий: «С утопией политики связаны сложные нравственные проблемы. Если другие типы утопий позволяют сохранить ―чистые руки", то здесь их нельзя не запачкать. Утопист-политик в отличие от других утопистов принимает участие в игре, правила которой установлены без него. Чтобы уничтожить существующий мир, он должен так или иначе участвовать в нѐм. Отсюда известные парадоксы утопической политики: террор, применяемый из любви к людям и ненависти к насилию, войны, ведущиеся во имя мира без войн, ложь, долженствующая расчистить путь в царство Истины» [Там же, с. 59]. Представители такой утопии не только конструируют мысленный идеал желаемого будущего, не только мечтают, но и пытаются реализовать свои мечты в глобальном масштабе. Проще говоря, даже не разобравшись в возможностях такой реализации, они пытаются одним шагом уничтожить старый и создать новый мир. И любые меры кажутся им допустимыми, потому что старый мир и всѐ, что с ним связано, не представляют в их глазах никакой ценности, а вот идеал мира грядущего кажется таким утопистам верхом совершенства, ради которого можно пожертвовать всем. В результате реальные люди и социальные институты приносятся в жертву фантазиям! Но всѐ-таки не каждый революционер является утопистом-политиком. Если революционер понимает, что желаемое будущее от нежелательного настоящего отделяет длительный и, возможно, напряженный переходный период, то утопистом он не является. К таким революционерам можно отнести Дж. Вашингтона и других «отцов» Американской революции, а также японского императора Муцухито, главную персону революции Мэйдзи. Не сразу, а только через много лет этим деятелям удалось осуществить хотя бы половину своих замыслов, хотя проводимые ими преобразования носили радикальный характер. В противоположность им М. Робеспьер, Л. Д. Троцкий, М. А. Бакунин или Х. Сю-цюань пытались перейти от наличного мира к должному буквально за одну минуту, в течение которой готовится соответствующее письменное распоряжение. А когда реальность не поддается их усилиям, то у политиков-утопистов складывается обманчивое впечатление, будто им целенаправленно препятствует некий тайный враг. И тогда в ход идѐт насилие, самое безжалостное из всех возможных. Это – революционный террор, цель которого – победить несуществующего врага и привести к реализации несбыточных фантазий.

Как ни странно, утописты-политики побеждают ровно наполовину: наличный мир действительно терпит серьѐзный урон, не дававшее покоя революционерам положение дел безвозвратно изменено, но утопические идеалы так и остались фантазиями. Это – триумф революционеров, но поражение утопистов. Е. Шацкий об этом иронично пишет: «Но триумфы эти особого рода, ибо сны утопистов не сбываются. Никакого рая на земле нет. Люди по-прежнему голодают, причиняют друг другу обиды, болеют и умирают. Рушится ненавистный старый порядок, но новый порядок отнюдь не равнозначен идеалу. Если даже можно указать на его превосходство в том или ином отношении, то всѐ же до совершенства ему далеко» [Там же, с. 142].

Именно здесь утопия смыкается с люциферианством. Дело в том, что ни один люциферианец не собирается причинять никому зла, он всерьѐз считает, что строит новый мир. И не беда, что для этого нужно разрушить мир старый и перебить всех, кто этому противится; по мнению люциферианца – это адекватная цена за «рай на земле». Точно так же рассуждает утопист-политик. Поэтому можно отождествить утопию политики и люциферианство, ведь их методы и результаты деятельности совпадают.

Таким образом, не всякая утопия является люциферианством, но люциферианство всегда представляет собой утопию политики. Другие виды утопизма далеки от люциферианства так же, как и от попыток своей реализации. Например, эскапистская утопия настолько же далека от люциферианства, насколько Дж. Р. Толкиен – от М. Робеспьера. Утопия ордена же находится в двояком положении: еѐ представители вовсе необязательно выступают за мировые преобразования и меняют только лишь свою жизнь, но при этом история знает немало примеров участия сектантов (в том числе аскетических и эсхатологических течений) в социальных и политических потрясениях.

Список литературы

1. **Баталов Э. Я.** В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
2. **Рассел Дж. Б.** Князь тьмы. СПб.: Евразия, 2002. 448 с.
3. **Фрер Ж.-К.** Сообщества Зла, или Дьявол вчера и сегодня. М.: Аграф, 2000. 272 с.
4. **Шацкий Е.** Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
5. **Штекли А. Э.** Утопии и социализм. М.: Наука, 1993. 272 с.

LUCIFERIANISM AND UTOPIANISM

Sulimov Stanislav Igorevich, Ph. D. in Philosophy
Chernigovskikh Igor' Vasil'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies
sta-sulimov@ya.ru; igrchernigovskix@rambler.ru

The article is devoted to the comparative analysis of utopian world outlook in its different forms and types with Luciferianism as a variety of anti-system doctrines. The authors turn to the works of both native and foreign researchers. Basing on the Polish philosopher E. Shatskii's researches they present utopias classification, which clarifies that not all utopias are associated with some action. At the same time one of utopia types completely coincides with such world outlook system as Luciferianism considered by the French and American authors.

Key words and phrases: utopianism; Luciferianism; anti-system; ―utopia of order"; ―utopia of politics".

УДК 343.3/7
Юридические науки

В статье рассматривается редко исследуемая составляющая объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ, – место совершения нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Автор анализирует современные основания обозначенной квалификации: нормативные акты, судебную практику, теоретические тезисы науки уголовного права − и отвечает на вопрос: должно ли деяние, содержащее все признаки преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ, быть квалифицировано по названной статье Кодекса независимо от места его совершения (на дороге или вне ее)?

Ключевые слова и фразы: нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; дорожное движение; дорога; правила дорожного движения; место совершения преступления.

Тарасов Сергей Владимирович
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
tarasov_sv_88@mail.ru

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ©

В настоящее время в Российской Федерации активно продолжается процесс автомобилизации, неотъемлемыми составляющими которого, к сожалению, являются рост количества дорожно-транспортных происшествий, повышение уровня дорожно-транспортного травматизма и увеличение числа преступных нарушений правил, обеспечивающих безопасность дорожного движения и эксплуатацию транспорта. Такая ситуация в нашей стране обусловлена рядом причин, среди которых стоит назвать несоответствие улично-дорожной сети и ее протяженности бурному росту количества транспортных средств, а также низкий уровень квалификации выезжающих на дороги водителей и низкую культуру их поведения в целом. Кроме того, увеличение количества дорожно-транспортных происшествий и повышение уровня дорожно-транспортного травматизма отрицательным образом влияют на социально-экономическую ситуацию в стране (в результате дорожно-транспортных происшествий портятся товарно-материальные ценности, погибает и получает травмы значительная часть экономически активного и трудоспособного населения страны и т.д.). Названные обстоятельства ярко свидетельствуют о том, что одной из актуальных проблем для нашей страны на сегодняшний момент является борьба с нарушениями правил, обеспечивающих безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта, и особенно с таким их проявлением, как транспортные преступления. Одним из наиболее действенных средств борьбы с преступными нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспорта ввиду слабости принимаемых профилактических мер по-прежнему остается именно уголовная ответственность.

В Уголовном кодексе Российской Федерации, принятом 13 июня 1996 года, преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта посвящена отдельная глава – глава 27. Одной из наиболее

© Тарасов С. В., 2014